

Роберт Шекли

Город Мертвых

<http://book.zehinli.info>

Мы летим по улицам Города Мертвых - призрак за призраком, огибая все углы, выказывая уважение к монолитности зданий, хотя, конечно, могли бы свободно проникать сквозь стены. Это документальный рассказ о преисподней. Без комментариев. Без дикторского текста. Город Мертвых - ад, Аид достаточно абстрактен, и вряд ли мы ухудшаем ситуацию, пролетая сквозь стены, такие твердые с виду.

Удивительное чувство - лететь по этим улицам! Классическое местечко: большинство зданий построено из белого мрамора, повсюду колонны - словно мы оказались в Афинах лет за четыреста до нашей эры. Но улицы абсолютно пусты, никакого движения. Город Мертвых - действительно мертвый город, несмотря на то что его жители пытаются найти себе хоть какое-то развлечение.

А что еще делать мертвым, как не развлекаться? Чем занять себя - вот извечная проблема обитателей Аида. Для чего смерть вообще? Ради чего все это? Такого рода вопросы одолевают любого человека, однажды обнаруживающего, что он уже умер. Естественно, первое, что он делает в такой ситуации, - это пытается как-то освоиться: о'кей, я умер. Сподобился. А дальше что? Ждать наказания? О'кей. Но за что? За мои грехи? А за какие именно? А может, их разрешат искупить? А как обычно здесь это делается? Или тут к каждому индивидуальный подход? Но если уж все это навечно, может, просто расслабиться - раз и навсегда?

Но самый главный вопрос - сколько все же это на самом деле будет продолжаться? Большинство успокаивается на ответе: «Вечность». Но если вы начнете их расспрашивать подробнее, окажется, что они имеют в виду нечто прямо противоположное. Для начала вас заставят поверить, что преисподняя - это только временно, а за ней обязательно

будет что-то еще. Может, это единственный способ заставить вас задуматься над своей собственной жизнью. Ты же как-то собираешься ее строить. Или по крайней мере так думаешь.

- А кстати, - сказал я, - не съешь ли ты это гранатовое зернышко?

Я был Гадесом - высоким крепко сбитым брюнетом, с черной аккуратно подстриженной бородой. У меня довольно-таки пиратский вид, но я слишком мягок по натуре, чтобы взбунтоваться против своей вызывающей внешности и как-то попытаться изменить ее. Похищение Персефоны - единственный в моей жизни поступок, который соответствует моей внешности. Да и то я это сделал чисто импульсивно, под влиянием момента: только что она, окруженная подругами, собирала цветы, а я проезжал мимо на золотой колеснице, запряженной четверкой вороных, как уже в следующую секунду она была в моих объятиях. Она, а вместе с ней адская пропасть разных забот.

Персефона была, конечно же, прекрасна. Ее светло-русые волосы ниспадали до самой талии, а линия носа была безупречно классически греческой: идеально прямой нос, переходящий в лоб.

Все это было тогда. А теперь - есть теперь, шесть месяцев спустя. Мы с ней сидим на тенистом холме на берегу Стикса, в том месте, где Харон обычно ставит на прикол свой плавучий дом.

Она посмотрела на два гранатовых зернышка, которые я ей протянул, и спросила:

- Ведь ты же не пытаешься устроить мне какой-то подвох?

- Нет, - ответил я, - я вообще не из обманщиков. В их игры я не играю. В Аиде у нас свои методы. Мы всегда действуем прямо и открыто, как тогда, когда я похитил тебя. Помнишь тот день?

- Даже слишком хорошо, - ответила она. - Я собирала с подругами цветы, как вдруг появился ты на своей золотой колеснице, запряженной черными лошадьми. И сам ты был весь в черном.

- И я откинул плащ за плечо, чтобы не мешал, обнял тебя за талию и одной рукой поднял в колесницу.

- А девчонки только стояли и визжали, - вспоминала Персефона. - И когда матушка узнала об этом, она просто не знала, что делать...

- Она чересчур хорошо знала, что делать, - вздохнул я, - ибо все это было предсказано задолго до того, как случилось: я должен был увидеть тебя среди прочих нимф и влюбиться без памяти. Но полюбил я тогда в первый раз в своей жизни. В этом я совсем не похож на Посейдона, Аполлона и других богов: они-то всегда, влюбившись, клянутся, что это у них на века, но стоит только на следующий день промелькнуть краю новой юбки, как они начисто забывают о прежних

клятвах. Но я - царь Смерти и полюбить могу только один раз. Раз и навсегда.

- Бедный Гадес, - вздохнула Персефона. - Тебе будет очень одиноко без меня?

- У меня останутся воспоминания о тех чудесных шести месяцах, что мы провели вместе, о том, как я был счастлив, когда ты сидела рядом со мной на троне. Я и сейчас бесконечно счастлив, что ты - моя царица преисподней.

- А мне понравилось быть царицей Аида. В этом есть что-то особенное. То есть подземное царство не похоже ни на одно царство на земле: здесь остается только то, что уже использовано и поэтому утихомирилось, а значит, его легко держать в руках.

- Аид - царство осознания, - сказал я. - На земле, там, где живете вы, вам не хватает времени, чтобы проникнуть в суть вещей. Здесь у каждого на это есть столько времени, сколько ему необходимо. К тому же здесь нечего бояться - ведь мы уже мертвы, и не о чем беспокоиться - ведь каким-то непостижимым образом мы продолжаем жить.

- Вот только вечера здесь слишком длинные, - пожаловалась Персефона. - У меня только в детстве были такие длинные вечера: казалось, они растягивались до бесконечности, и солнце еле-еле, нехотя ползло к закату. Но вот солнца здесь нет. Слабый сумрак склепа, изредка прерываемый тьмой, а солнца - нет. Я потеряла солнце.

Я кивнул:

- Да, солнца у нас нет. Но нам светит луна и еще факелы.

- Они бросают такие длинные тени, что я, пожалуй, боялась бы их. Если бы в Аиде было чего бояться.

- О нет, - сказал я. - Худшее уже произошло, и еще хуже не будет. Так ты съешь мое гранатовое зернышко?

Она взяла одно из двух зернышек с моей ладони и положила на свою - узкую и белую.

- А почему ты так хочешь, чтобы я его съела? В этом какой-то подвох?

- Да, - ответил я. - У меня нет от тебя секретов. В этом есть подвох.

- Так что же случится, если я его съем?

- Это сохранит мои права на тебя, когда ты возвратишься к живым.

И это будет гарантией, что ты вернешься ко мне, в преисподнюю.

- Вернусь к тебе? - переспросила она. - Но ведь я в любом случае собиралась вернуться. Я покачал головой:

- Ты сама не знаешь, как обернется, когда ты поднимешься отсюда в светлый верхний мир и вдохнешь его воздух. И когда ты снова полностью почувствуешь себя живой, ты забудешь обо мне. И будешь удивляться, как тебе могло нравиться это мрачное место с его

угрюмыми садами и рекой забвения, по которой плывут бесчисленные души умерших, и лишь плакучие ивы тихо шелестят им вслед. И ты скажешь себе: «Да он просто околдовал меня, приворожил. Ни один человек, будучи в здравом рассудке, не отправится добровольно проводить отпуск в аду!»

Она улыбнулась и коснулась моей руки:

- Может, ты и приворожил меня. Но здесь, в Аиде, мне хорошо.

- Тогда съешь это гранатовое зернышко. Она сидела не двигаясь, и мысли ее блуждали где-то далеко. Наконец она сказала:

- Да, Ахиллес и Елена пригласили нас сегодня на обед. Принеси им мои извинения.

Мы отключились от Гадеса и Персефоны и, оставив речной берег, направились по зеленым холмистым лугам, украшенным деревьями, подстриженными в форме различных скульптур, что делало местность похожей не то на кладбище, не то на французский парк, - к Чертогу смерти. Издалека он выглядит как небольшой городок, потому что Чертог - это архитектурный ансамбль из множества маленьких дворцов. И хотя некоторые из них имеют до дюжины этажей, все они сгрудились в кучу: маленькие дворцы являются частью ансамбля больших дворцов, а дворцовые ансамбли объединяются в общий комплекс Города Мертвых. Крыши, купола всех форм и размеров: сферические и квадратные, со шпилями и без. Все здания связаны между собой на разных уровнях узенькими дорожками. Вы можете из окна выйти прямо на перекресток, или подняться на верхний этаж, или же по узенькому карнизу перейти в соседний дворец.

Город Мертвых озарен светом, похожим на лунный или же на последний отблеск заката, пробивающийся зимним вечером сквозь тяжелые тучи. Здесь нет ни дня, ни ночи. В Городе Мертвых всегда час сумерек, растянувшийся на вечность.

Занятий здесь не так уж много. Но если вам смертельно скучно, можно поглазеть из окна на других жителей, выходящих из своих окон и гуляющих по карнизам из конца в конец города. Здесь везде натянута провода, связывающие абсолютно все со всем, чем возможно, и кое-кто использует их, чтобы сократить дорогу. И здесь и там - высоко над городом на цыпочках скользят канатоходцы. Впрочем, это у них получается весьма неуклюже: далеко не у всех мертвых (как и далеко не у всех живых) есть акробатические способности. Но они бесстрашно шагают по карнизам и проводам и абсолютно не боятся упасть. Когда вы срываетесь с карниза в Городе Мертвых, то падаете медленно-медленно, парите, словно тень. Даже если вам случится по дороге удариться об один-два карниза, задеть какую-нибудь горгулью, напороться на острый выступ крыши - это все не страшно. Вам уже

ничто не повредит - вы и так мертвы. Вы даже боли не можете почувствовать. Боль здесь заповедана, потому что заповедано удовольствие. Что едва ли не одно и то же.

Где нет удовольствия - нет и боли. Кто-то, может, посчитал бы это честной сделкой. Но только не мертвые из Города Мертвых. Лишенные возможности мучить себя, они впадают в смертельную скуку, которая для них мучительнее во сто крат. В Аиде есть люди, которые каждый вечер перерезают себе горло. Но это ничего им не дает. Это всего лишь жест. Когда у вас больше ничего не осталось, то все, что у вас есть в Аиде, - только жесты. Поэтому они приобретают здесь огромное значение. Кто-то делает болезненный жест и перерезает себе горло, а кто-то отправляется в гости по проводам и карнизам. Может, вы думаете, что ходить в гости - удовольствие? Только не в преисподней. О, жители подземного царства не презирают жестов. После смерти жесты - это все, что вам остается.

Мы резко взмываем к дверному проему, мчимся по коридору, проскальзываем еще в одну дверь, повторяем эту операцию несколько раз подряд и, наконец, останавливаемся в огромной комнате. Здесь на стуле со спинкой в виде лиры сидит Ахиллес. Мы знаем, что это он, так как на его спине прикреплена бронзовая табличка с надписью: «Ахиллес».

В преисподней возможность мгновенной идентификации вызвана необходимостью. Здесь крайне неодобрительно смотрят на любые недоразумения. Правда, мертвым достаточно того, что они сами мертвы, и их как-то мало волнует, кто еще мертв рядом с ними. Так что система табличек создана отнюдь не для удобства местных жителей. Это сделано для удобства нашей будущей аудитории, для которой мы и снимаем фильмы, - для людей, которые в любом случае вернутся в прошлое, чтобы поглядеть на обитателей этого мира или построить их образные конструкции в компьютере, в котором можно построить все, что только можно вообразить. И, заглянув еще дальше, мы можем прозреть время, когда вторичные и третичные образы, достаточно отошедшие от своего прообраза, основываясь на версиях различных авторов, смогут создать новое поколение героев. Но так как создателей множество и каждый из них обладает своим уникальным видением, то единственно возможный путь создать синтезированный, но все же узнаваемый образ - это всех идентифицировать.

В реальном мире люди очень редко просто так сидят на стуле - не читая, не смотря телевизор и даже ни о чем не думая. Но здесь у нас не реалистический рассказ, изобилующий бытовыми подробностями, которые так любят некоторые читатели. К сожалению, данные о размерах доходов главного героя, объектах его любви и ненависти, а

также генеалогическое древо в трех поколениях просто-напросто утеряны.

Так что Ахиллеса мы застали за тем, что он просто сидел, и все. Проблема ничегонеделания - одна из важнейших в Аиде. Да, пожалуй, единственная, которая стоит того, чтобы на нее тратить время, тем более что решения все равно не найти. Но Ахиллес, похоже, не терзался даже этой проблемой. Он просто сидел на стуле, уставившись в пустоту.

Справа появилась Елена Троянская.

Было бы большой ошибкой попытаться описать или хотя бы сфотографировать столь известную личность, как единственная и неповторимая Елена из Трои. Ее черты невоплотимы, они существуют лишь в мире фантазии, где постоянно творятся из грез множества людей, когда-либо мечтавших о Елене Прекрасной. Компьютер же ограничивается основным набором данных, так сказать, квинтэссенцией грез, и так как мы пользуемся далеко не полным набором мечтаний о Елене, ее репродуцированный образ слегка расплывается вокруг носа. Поэтому я склонен считать, что главную деталь мы поймали достаточно точно. Что касается остального - достаточно будет сказать, что она - дама приятная во всех отношениях, причем с точки зрения любого, кто на нее в данную минуту смотрит. К тому же она так величественно несет свою опознавательную бронзовую табличку, что по одной походке можно сказать - вот идет Елена Троянская! А значит, это она и есть. На ней простая туника, сшитая из шелковой двусмысленности, и вокруг головы ее волнами лежит золотой обман.

- Привет, Ахиллес, - заговорила Елена. - Я только что с рынка. Мальчик, у меня есть что тебе рассказать!

Пока Елена не заговорила, Ахиллес продолжал молча пялиться в пустоту, не обращая ни малейшего внимания на свою легендарную жену, но тут он повернул голову:

- Как ты могла хоть что-то услышать? Здесь днем с огнем не найдешь ни одной свежей новости. Что вообще может произойти в преисподней нового? Хоть когда-нибудь? Только мнения - вот и все, что здесь можно услышать. Так что такого особенного ты могла найти на рынке? Уж не то ли, что философы в очередной раз высказались в пользу возможности или, наоборот, невозможности существования этого места? Откровенно говоря, этот вопрос меня абсолютно не волнует. Существует это место или нет - мне-то что? Но даже если кто-то нашел в этом всем какой-то смысл - это едва ли можно назвать новостями.

- Заткни фонтан, - перебила его Елена, - сейчас не твой выход. Вопреки всем твоим умпостроениям я раздобыла самые настоящие, реальные и неоспоримые новости. Свеженькие, с пылу, с жару. И это дает мне право не только рассказать их, но и расцветить, как захочется, используя при этом необычные эпитеты и невероятные сравнения. Стоит ли подавать факты напрямую, не пытаясь скрыть их за ширмами недомолвок, когда перед тобой во всей несокрушимости принцип Гейзенберга?

- Если ты принесла новости, - мрачно сказал Ахиллес, - то где они?

- Какой ты быстрый! Если разносчица новостей с ходу расплескает всю их новизну, то они перестанут быть новостями, и ей придется несолоно хлебавши возвращаться на исходные позиции:

Недооцененный Объект Любви. То есть я. Можешь представить, каково это? Так что не торопись, дружок. Мне охота для начала насладиться самим фактом того, что я все еще могу находить новости. И поэтому я не спешу их разглашать.

- Безупречная логика, - заметил Ахиллес. - Ты приписываешь себе титул разносчицы новостей, так и не сообщив ни одной. Но все твои притязания в подметки не годятся породившему их факту.

- Ты сказал уже достаточно, чтобы я имела право тебя перебить и сообщить, что ты не видишь дальше своего носа, мой дорогой Ахиллес. Так хочешь наконец узнать, что случилось?

Изображение исчезло. Камера, или что там вместо нее, показывает ровный светлый фон. По-своему он очарователен и слегка гипнотичен. Мертвые обнаружили, что, когда вы слегка загипнотизированы, все идет намного лучше. Некоторые считают, что смерть сама по себе - вид мягкого гипноза. А есть еще более специфический взгляд - что смерти вообще не существует, так как то, что мы называем смертью, не более чем патологический случай гипноза, от которого мы не можем очнуться.

Будь что будет: камера снабжается током через провод, который спиралями змеится в окно, и, если принять его за путеводную нить, мы можем отправиться вдоль него, и он приведет нас к маленькому домику где-то наверху и устремится в окно, из которого струится целый каскад проводов. Если преодолеть бурный поток из витков и бухт кабеля, можно пробраться внутрь, где явно кипит какая-то работа. Мы выбираем ближайшую дверь и входим в комнату, похожую на аппаратную. В ней сидит человек. Привет, да это ж я! Я подхожу поближе, чтобы посмотреть, чем это я там так занят.

Я вижу, что я погружен с головой в манипулирование какими-то рычажками, кнопками и вокруг масса всяких циферблатов и прочих там реле. По множеству проводов, связывающих мою аппаратную со всем

на свете, ко мне сбегаются различные данные, и я сплетаю все эти нити в прекрасный гобелен. Или сплету, если мне только удастся собрать их вместе, потому что на самом деле мне еще кое-чего не хватает. И даже более того: я не имею ни малейшего понятия, что я с ними буду делать, если мне повезет достать их все. Но надеюсь, что все же я с этим что-нибудь сделаю.

Пожалуй, стоит сюда как-нибудь еще заглянуть: здесь столько интересного! Только не примите это на свой счет, уважаемая публика, для которой я сучу нить своего рассказа. Что вам за дело до меня и до того, чем я занимаюсь? Хотя, может, и есть дело, и мои проблемы - это и ваши проблемы, ведь каждый из нас является одновременно кем-нибудь еще.

Но вернемся к Ахиллесу и Елене.

- Все. Меня уже раздражает, - сказала Елена. - Поэтому - побоку все мелкие подробности! Выкладываю все разом. Слушай же, Ахиллес: сегодня некто покидает Аид!

Ахиллес застыл пораженный. Но вовсе не словами Елены - то, что она сказала, он едва услышал и машинально этому удивился. Осмысление иного, более ужасного факта затопило все его сознание, в одну секунду он принял целый пакет информации, и это вызвало соответствующие эмоции. Он внезапно понял, что он - всего лишь набросок, черновик персонажа. Это разило наповал. До сих пор он считал себя бессмертным, хотя и не раздумывал никогда особенно на эту тему; но вдруг осознать, что тебя достали бог знает откуда и используют твой мозг, что стечение обстоятельств, при котором ты возродился в разуме компьютера, может не повториться не только в ближайшее время, но и вообще больше никогда, - это уже слишком!

Черновик! Эта мысль просто парализовала мозг. Но Ахиллес сделал над собой усилие и заставил себя оценить ситуацию, вместо того чтобы просто отгородиться от нее. Итак, его условность означала, что он всего лишь концепция, которой манипулируют в чьем-то еще сознании, откуда следует, что сам по себе он для этого разума не настолько важен, чтобы ему было гарантировано возвращение к бытию в дальнейшем. Симптомы того, что существо, создававшее эти сны, уже близко к тому, чтобы закрыться, отключить контакт и изъять себя из данного цикла, были слишком явными: так как оно перемещает энергию своего внимания повсеместно, то может очень скоро увлечься кем-то другим. А тогда Ахиллес снова отправится в небытие, ожидая, пока его снова не вытащит какой-нибудь разум. Но какова вероятность, что это может произойти еще раз? А вдруг больше никогда?

Обрушившийся на него шквал пониманий подсказал, что шансы его - 50/50, и то если его вызовут, то уже не в данном контексте. Перед ним

ясно встала необходимость срочно придумать какой-нибудь способ произвести впечатление на это грозящее им существо, причем впечатление настолько сильное, чтобы оно и после того, как удовлетворит свою фантазию, вызывало его снова и снова, пусть даже в других ипостасях.

Быстро проанализировав ситуацию, Ахиллес понял, что вся эта проклятая конструкция из снов и грез рассыплется в прах, как только компьютер завершит предварительную разработку. Нужно немедленно найти способ заставить все эти проклятые вещи стать вещими, да так, чтобы он был вынужден вызывать Город Мертвых к существованию при каждой оказии.

Но какова все же вероятность всего этого? Ахиллес стиснул зубы в смертельной тоске: он должен попытаться чем-то подкупить этот компьютер. Какой же дар можно поднести этому Компьютерному Сновидцу - единственному, кто, сумев собрать все доступные ему данные, воссоздал Ахиллеса похожим на Ахиллеса. И как убедить его, этого легкомысленного мечтателя, что Ахиллес стоит того, чтобы за ним вернуться еще не раз?

- Постараюсь донести это до вас настолько точно, насколько смогу, - произнес Ахиллес. - Я пытаюсь подать Голос и воззвать к вам. Я не прошу делать меня исключением, я хочу быть лишь Точкой Отсчета. Я знаю, что вы кого-то ищете. Я также пытаюсь продать вам общий настрой и уговорить вас во время ваших ментальных путешествий делать регулярные остановки в Городе Мертвых. Я знаю, вы давно искали местечко вроде этого.

Компьютер не ответил.

Ахиллес вкрадчиво продолжал:

- Я знаю, вы опасаетесь, что, приняв на себя подобное обязательство, можете впоследствии обнаружить, что эта концепция не стоит разработки, так как она несостоятельна в решении проблем сотворения, изменения и энергии. Я прав? Что ж, я приветствую вашу осмотрительность и рукоплещу вашим сомнениям. Все это придаст вашему выбору вес, если вы сделаете верный шаг и поставите на нас. Елена, почему бы и тебе не сказать пару слов?

Елена улыбнулась в камеру и заговорила на низкой волнующей ноте:

- Я думаю, мы можем оказать вам хорошую услугу. Вы-то знаете, что мы, Ахиллес и я, - люди выдающиеся и работаем лучше, если нас включить в действие. Мы не похожи на ваших современных узкогубых ханжей. И если вы ждете от нас именно таких слов - то этого добра у нас в избытке; смелые слова, лживые слова - короче, какие угодно, только не нудные. Позвольте нам развлечь вас историей вашей жизни.

Ахиллес коснулся ее плеча: «Хорошо сказано, Елена», - затем развернулся к камере и заглянул нам прямо в глаза. Мы, опешив, зажмурились на секунду, не в силах смотреть на слепящую красоту его лица. Ибо этот Ахиллес есть Ахиллес, глобально мыслящий о возможностях величайших мировых деяний. Но он же являлся воплощением жертвы безнадежной любви к женщине, ему не предназначенной. Любуясь им, мы украдкой бросили взгляд на боковой экран и поняли, что любовь всей его жизни, Брисеида, в нашей истории не появится даже на секунду. Увы, нынешнее ее местонахождение неизвестно. А брак Ахиллеса с Еленой был чисто символическим жестом - два козырных туза вне партии.

- Мы сделали все, что могли, - наконец сказал он. - А теперь можешь рассказать мне, что ты там раздобыла на рынке.

- Царь Аида Гадес вышел из города, пересек несколько ручьев, бегущих на границе преисподней, и выбрался на берег Стикса туда, где, знаешь, есть хорошая лужайка для пикников. Но пришел он туда не ради пикника, хотя у него и была причина для банкета в честь своей гостьи Персефоны.

- Персефоны? Гадес гулял с царицей Персефоной?

- А с кем ему еще гулять? Ты же знаешь, она совсем вскружила ему голову.

- Это потому что она живая, - вздохнул Ахиллес. - Живые люди вообще гораздо привлекательней. Но, конечно, у нее есть и некоторые личные достоинства. К тому же с ней связан один из мифов первостепенной важности. И так как это один из древнейших мифов античности, девочке есть чем щеголять. Ты думаешь иначе?

- Да уж, так я и думаю, - ответила Елена. - А ты как думаешь, быть Еленой Троянской это тебе что - семечки? Да кто сейчас помнит хоть что-нибудь про Персефону? А Елену знают все!

- Да знаю, знаю. Ты у нас - чудо из чудес, - примирительно сказал Ахиллес.

Как некстати она завелась, в то время как ему просто необходимо узнать, что там дальше было с Гадесом. Ахиллес давно уже лелеял надежду при случае нажать на него и найти способ выбраться отсюда, поэтому все настроения царя преисподней были для него чрезвычайно важны. Уж кто-кто, а Ахиллес не собирался безропотно привыкать к тому, что он мертв. По крайней мере не на веки вечные.

Итак, если вы Ахиллес, вы реально смотрите на жизнь, даже если ваша реальность - смерть. И все, чего вы хотите, - это конкретное место, уютно обставленное, избавленное от счетов, ревнивых любовниц, бейлифов, сутяг, жен и экс-жен, мужей, детей на разных уровнях дебилизма и всех остальных, живущих здесь, но, слава богу, не

у вас в голове, а в своем собственном мире. Немного чересчур, вы не считаете? Именно это привело вас в Город Мертвых. Вот почему мы так пытаемся убедить вас и даже продемонстрировать на практике, что наш Город Мертвых - это хорошо продуманный образец преисподней и заслуживает более пристального внимания. Мы будем время от времени сюда возвращаться. Самое важное, что мы должны помнить: мы - партия свободы.

Мы снова переключились на Гадеса. На меня.

- Когда Ахиллес узнал об этом, он просто помешался. Ему до сумасшествия хочется выбраться отсюда, - говорила Персефона.

- Ахиллес думает, что, когда он был живым, ему жилось гораздо веселее, что, собственно, соответствует действительности. За свою жизнь он во многом преуспел.

- Скажи мне правду, - попросила Персефона. - Быть живым - это действительно так хорошо? Я пожал плечами:

- По крайней мере Ахиллес думает так. Но это всего лишь частное мнение одного мертвеца.

Мы с Персефой сидели под черным тополем. Рядом росла высокая плакучая ива, и ее ветви полоскались в темных водах Леты, струившихся мимо нас с тихим бульканьем, напоминавшим предсмертный храп умирающего. На другом берегу виднелись низкие серые силуэты, но что это, издали различить было трудно. Я был странно счастлив. Я всегда себя так чувствую, когда Персефона рядом. Она делает преисподнюю светлее, несмотря на навечно нависшие над нами тучи. Сегодня они выглядят не зловеще и скорбно, но волшебно и вдохновляюще. Я счастлив в Аиде. Что само по себе - чудо, потому что я его царь. Или я сказал бы так: я полностью счастлив, и я действительно - Царь.

Я поискал взглядом ее руку, в которой она держала зернышко, но Персефона сидела так, что я не мог увидеть, там ли еще оно. Я надеялся, что нет. Казалось, она совсем забыла о нем. Но могла ли она забыть? Тяжесть знания драматургии этого нашего мира тяжелым камнем обрушилась на мою душу: я знал, что вот-вот что-то должно произойти. И даже знал, что именно.

Вот оно: издали послышалось тихое звяканье. Персефона тоже услышала его и сказала:

- Это бубенцы с упряжки Деметры. Она украшает ими волов, влекущих ее повозку. Она едет за мной, как мы и договаривались.

- Да, - подтвердил я.

Когда-то меня вынудили согласиться с тем, чтобы Персефона время от времени возвращалась в верхний мир. Наши роковые старые леди из Верховного Суда Аида буквально связали меня по рукам и по ногам:

остановить и укротить! Девуцу вернуть родителям! Я был тогда на грани мятежа, но потом оставил эту идею - против живых у меня не было ни единого шанса, даже если бы все мертвые встали стеною на мою сторону, в чем я, впрочем, был абсолютно не уверен. Беда в том, что из мертвых солдаты, как из куска дерьма, - смерть забирает что-то важное у мужчины. Так что это было бы просто-напросто избиением. Ведь что может быть слаще для живого, чем убить мертвеца! Они, видите ли, считают нас Злом. О, если бы я мог найти какой-то выход! Но воевать - было делом заведомо невозможным.

В любом случае я был не прав: похищение девушки из верхнего мира было против всех правил. Да, я был не прав. И эта моя неправота ослабляла мою позицию.

По-настоящему все началось уже тогда, когда мы - Зевс, Посейдон и я, свергнув старого Крона, разделили между собой всех тварей и учредили простые и ясные законы. Каждый из нас получил во власть отдельное царство без права вторжения на территории других. Конечно, этот договор не всегда соблюдался буквально, но если находились жалобщики, то их, как правило, удовлетворяли, и действовало правило возврата. Все это я знал, но, несмотря ни на что, все же забрал Персефону к себе. Забрал, потому что хотел ее. Вот только страсть моя не вписывалась ни в какие законы! Я отринул их, потому что никогда и ничего не было для меня так важно, как моя Персефона! Теперь-то вы, наверное, поняли, что участь царя Аида тяжелее участи последнего раба. Живого, конечно. Я связан законом о недвижимости и обо всем, что на ней находится. Он безжалостен и беспристрастен, насколько закон вообще может быть безжалостным и беспристрастным. Но законы должны существовать. Ваша жизнь без законов - ничто. Да и смерть без них немногого стоит.

- Зернышко, - сказал я. - Так что с зернышком? Она протянула мне обе ладони - они были пусты.

- О, - сказала она, - я, наверное, уронила его. В ее голосе сквозило лукавство. Но в Аиде никогда еще не бывало ничего легкомысленного или игривого - я просто не знал, как на это правильно реагировать.

- Прошу, не дразни меня, - взмолился я. - Ты съела его? Или уронила? А может, ты его спрятала, чтобы съесть потом?

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

- Конечно же, я хочу тебя немножечко поддразнить. Именно этого, любовь моя, тебе так не хватает. Ты слишком суров и угрюм.

- Но ты все изменила. Ты принесла в Аид легкомыслие и удовольствие. Я даже не думал, что это возможно. Здесь. Но неужели ты не хочешь оставить мне хотя бы надежду на то, что мы снова встретимся?

- У тебя всегда будет эта надежда, - ответила она, - независимо от того, что скажу или сделаю я. И это неоспоримый факт. Это милая твоему сердцу определенность. Ты это хотел от меня услышать?

- Я хотел бы на это надеяться. Но смею ли я полагаться на определенность того, что через шесть месяцев ты снова будешь со мной? И будешь возвращаться ко мне каждый год?

Она покачала головой, но я видел - она улыбалась.

- Определенность ценится в твоём царстве превыше всего. Каждый его житель слишком хорошо знает, где он находится сейчас. Кажется, нет ничего более определенного, чем смерть. Думаю, что именно против этого так бунтует Ахиллес. Это то, к чему твои мертвецы так усиленно привыкают. «Может, смерть и плоха, - убеждают они сами себя, - но, в конце концов, она - надежна, и я могу на нее положиться».

- Да, так мы и говорим.

- Это потому что ты мертвый, - в сердцах сказала она, - но я-то - нет! Я-то - живая! И я не подчиняюсь вашим правилам. Я существо из царства живых, и, когда я выйду отсюда, вся определенность сойдет на нет. Все меняется: от лучшего - к худшему, от худшего - к лучшему. Всегда есть надежда, и всегда есть безысходность Звон бубенчиков становился все громче, и вот уже показалась украшенная цветами повозка, на которой стояла Деметра, сама управляющая волами, на шеях которых висели цветочные гирлянды. Эта дама выглядела строго классически - как и положено выглядеть Деметре. Волосы ее развевались на ветру, и она приветственно махала Персефоне небольшим кнутиком из виноградной лозы.

Деметра из тех, с кем вам приходится считаться, даже если вы не хотите иметь с ними никаких дел. Они настолько представительны, что вам и в голову не придет попытаться их как-то обмануть. Но в вашей личной истории они, как правило, не играют большой роли, так стоит ли о них говорить больше, чем они заслуживают? Нуждается ли персонификация Осени в родинке на подбородке? Должны ли мы снабдить ее дородной фигурой? Или придать ей суровые, безжалостные глаза? Да, глаза, пожалуй, сделать надо, а что касается остального, то вы и так легко представите себе тип женщины, способной в одиночку управлять шестеркой волов. Так нужно ли еще что-нибудь добавлять?

Персефона поднялась ей навстречу, потом наклонилась и еще раз поцеловала меня. Очень нежно. В губы. И прежде чем я успел обнять ее, она уже ускользнула, вспорхнула на повозку Деметры, и вот уже обе скрылись из виду.

Гадес застыл на месте, остекленевшими глазами уставившись в пространство. Ему не с кем было поговорить. Казалось, он сейчас заговорит сам с собой, разразившись монологом.

И вдруг она вернулась! Вместе с повозкой, волами в гирляндах и матерью, чей взгляд выражал крайнее неодобрение. Это было как удар грома. Неизменное возвращение! Сердце Гадеса затрепетало.

- Я совсем забыла тебе напомнить про Ахиллеса и Елену, - сказала она. - Так что тебе придется отменить наш совместный обед.

- Ты уже напоминала мне об этом, - сказал я.

- Я? - спросила Елена.

- Ты, - подтвердил я. - И совсем недавно. Но я рад, что ты вернулась. Мне хотелось тебя кое о чем спросить.

- Похоже, ты никогда не устанешь меня спрашивать кое о чем, - сказала Персефона. - Я знаю, ты любишь меня, но об этом ты печально молчишь, и только. Хотя бы на прощание ты мог бы сказать мне хотя бы пару слов. Я буду рада тебе ответить. Так о чем ты хотел меня спросить?

- Я хотел спросить тебя... - сказал я. - Я слышал, что ты знаешь, чем в последнее время занимается Тантал. Расскажи мне об этом.

- С любовью и удовольствием, - ответила Елена. - Я постараюсь быть покороче, мама! - крикнула она кутавшейся в платок Деметре.

Мать покорно кивнула: ей было достаточно того, что она все-таки увезет свою дочь отсюда, так стоит ли расстраивать дитя по пустякам, прерывая ее рассказ.

- Я всегда считала дядюшку Тантала интересной личностью, - так начала Елена свой рассказ. - Думаю, ты и без меня знаешь условия, в которых он находится: стоит по горло в болотной грязи, и над головой его на медном канате подвешен огромный камень - настоящий утес. Конечно же, этот камень никогда не упадет, но напряженность тем не менее не спадает, так как самим Зевсом предначертано, что никто не может быть в этом уверен до конца и что валун может рухнуть в любую секунду, и нет силы, способной его сдержать; он непоколебим и неотвратим. Подтягивай его, не подтягивай, он все равно будет болтаться там с навешенным на нем беспристрастным законом: если вы не будете переживать за Тантала в свете неотвратимости его камня, мы просто вычеркнем его из греческих мифов.

Тантал стоит по шею в грязи в небольшой заводи Стикса. Но, когда он наклоняется, чтобы утолить жажду, вода бесследно исчезает, оставляя его с лицом, залепленным грязью, и прозвищем, данным ему корибантом, - Старый Грязехлеб. Ни капли воды Танталу - таково первое правило.

Во-вторых, с поникших ветвей ивы, к которой он прикован, свисает множество яств: паштеты, ливерные колбасы, салями всех размеров, видов и сортов, сыры, каких и на земле-то не видывали, различные

салаты, изысканно приготовленные овощи - и все это подвешено в тончайших салфетках, также годных в пищу.

Но, конечно же, как вы уже догадались, стоит Танталу протянуть руку к любому деликатесу, как тут же налетает ветер, отклоняет ветку, и она становится для него недосягаемой. Так и стоит он там - по подбородок в воде, которую не может пить, и окруженный едой, которую не может есть. Таким вот образом представляет себе Зевс по-настоящему суровое наказание.

Но в преисподней научились находить применение любым мелочам. И если уж Тантал не может пить воду, у него все-таки остается возможность чувствовать, как она омывает его ноги. И вот уж этого у него никто не отберет. Не смогут. Что же ему останется, если он не сможет ощущать воду, в которой стоит?

А в это утро вода казалась довольно приятной. Иногда даже в преисподней такое бывает. Они-то стараются нагрузить вас по самые уши, но и на них бывает проруха. Тантал постарался обставить свой жалкий жребий с максимальным комфортом, и в этом он оказался на высоте. Раз уж он сам не может есть, он приглашает на банкет всех своих друзей!

И гости собрались отовсюду, со всех концов преисподней.

Когда прибыли все приглашенные, Тантал обратился к ним с речью:

- Друзья мои! Надеюсь, вы простите меня, что я не выхожу к вам навстречу из своей грязевой ванны. Считайте это моей маленькой причудой - принимать гостей подобным образом, тем более мне так нравится эта река...

Надо сказать, что Тантал так долго прожил в Аиде, что заслужил некоторые привилегии. Например, ему было даровано право купаться в любой речке Аида по своему выбору. Сегодня утром он выбрал Лету - из всех рек подземного царства она была его самой любимой. Боги вырыли грязевые ямы в заводях всех местных рек и у каждой посадили по плакучей иве, нагрузив их продуктами по самую макушку. Так что Тантал мог теперь страдать в любой яме по вкусу и искушаться вволю столько, сколько необходимо, чтобы морально подготовить тех, кто выбрал его дорожку.

Однако выпросить у Гадеса и других богов свободный доступ к рекам оказалось не так-то легко и потребовало довольно много времени. В конце концов он возопил:

- Да не пытаюсь я смягчить свою участь! Было бы излишне заострять внимание на том, что я навечно обречен торчать в яме с водой, плещущей у самого подбородка, почему не могу претендовать на разнообразие вод и пейзажей?

Первое время на его жалобы никто не обращал ни малейшего внимания. Но потом его дело все-таки передали в Верховный Суд Аида.

Главный судья мертвых Радамант начал рассмотрение с того, что наотрез отказался выслушать его аргументы.

- Это идет вразрез с нашими традициями, - ворчал он.

- Но ведь нет и закона против этого, - возражал Тантал. - А все, что не запрещено, - разрешено?

Но Радаманту, Миносу и остальной судейской братии в то время было просто не до Тантала: ничего, кроме хлопот, это не сулило, а у них на руках к тому времени и так скопилось огромное количество дел. Работы было по горло: люди на Земле умирали как заведенные и появлялись на перекрестке трех дорог, где обычно восседали судьи мертвых, сначала группами, потом - сотнями, потом - тысячами и, наконец, пошли миллионами. Вряд ли хватило бы времени судить и десятую их часть, но их истории были на удивление схожи, что значительно ускорило процесс.

Большинство душ, ожидающих суда, были одеты в саваны, некоторые даже сохранили свои подчелюстные подвязки. Не все, но многие позаботились прихватить с собой деньги, и кое-кто даже очень большие. И хотя Харон довольствовался одним оболом, представители аристократических семейств предпочитали буквально набивать себе рот монетами, прихватить себе шекель-другой, а то и целый талант серебра. И все это ради того, чтобы их не равняли с беднотой.

Расценки Харона, лодочника, перевозящего мертвых в царство Гадеса, хорошо всем известны: «Один обол. Деньги на бочку» И так как в саванах не предусмотрены карманы, мертвые приносят монетки во рту.

Платой Харону исчерпывается вся необходимость в деньгах в преисподней, но сам ее факт вызывает определенный интерес и ряд побочных эффектов. Обычно деньги нужны для покупок и продажи - но всему этому место на земле, а не в преисподней. Здесь нечего продавать, и это повергает людей в кошмарное состояние, ведущее к полной атрофии покупательной железы. Говорят, что, сколько бы ты ни прожил в Аиде, смерть никогда не угасит воспоминаний о тихих, спокойных земных магазинах. В преисподней этого нет - никаких магазинов, от которых одно беспокойство (кстати, интересная мысль!). Покупать-то нечего, но важно держать марку, отсюда и набитые рты.

И тем не менее бесплатно Харон перевозить отказывается. Безденежные вынуждены толкаться на берегах Стикса и пытаться его разжалобить. Но что может быть ужаснее, чем слушать скулеж мертвецов? Они стоят, сидят, лежат на берегу и в один голос зовут Харона, умоляя его перевезти их за так, на общественных началах. Но

лодочник лишь мрачно зыркает на них и грубо отвечает: «Никакой халявы! Даже в преисподней!»

Тогда начинается скандал, особенно когда на берегу скапливается уже много безденежных.

Харон ярый приверженец формы. Он служит ради порядка, а не ради денег. Ведь ему тоже некуда девать человеческие оболы. У него их скопилась уже целая куча. Он хранит их в рундуке, в Стиксвилле, где обычно ставит на прикол свой плавучий дом, когда возникает необходимость в ремонте. Пересекать же Стикс в одиночку - дело очень опасное, даже если вы мертвы. И если вы думаете, что после смерти все опасности кончились, то это как раз тот случай, чтобы убедиться, что и после смерти бывает несладко.

Что касается знаменитостей, то они пересекают реку безо всяких хлопот, независимо, есть у них чем заплатить за проезд или нет. Попробуйте-ка остановить знаменитых куртизанок - Лаис Коринфскую, например, или же Сафо, которые, как говорят, смогли бы уболтать самого Сократа. К тому времени, когда Рим вошел в силу, обычай вкладывать обол в рот умершему сам по себе тихо скончался, и не только из-за нехватки обол в обанкротившейся Греции. И хотя обычай «обол-ворту» иногда вспоминают, но вряд ли кто-нибудь осмелился бы не допустить в преисподнюю римскую императрицу только из-за того, что она не принесла в своих мелких белых зубках медную монетку.

Тантал не сразу привык к визитам римских императриц, забежавших к нему в гости даже прежде, чем предстать перед светлые очи своих отцов. Они посещали его как местную достопримечательность и свои вопросы к нему всегда облекали в крайне уважительную форму. А как же! Тантал был одним из местных старожилов, одним из самых первых ссыльных, одним из первопоселенцев Аида, из тех самых, что называли себя Первыми проклятыми, из первых криминалов в истории!

Да, многого навидался Тантал за те годы, что провел здесь, и должен сказать новичкам, что все, конечно, течет, все, конечно, меняется, но здесь не такое уж плохое местечко: ко всему можно привыкнуть - даже к преисподней. А может быть, особенно к ней. Когда на вас обрушилось самое худшее - бояться уже нечего.

Сизиф Камера снова включилась, передний край шоковой волны узнавания, затем быстрый пробег по пыльным коридорам, освещенным мигающим светом, и вот она уже заискивающе застыла в охотничьей стойке перед Танталом. Тантал в кругу друзей. Крупный план Сизифа. Мы подключаемся к мощному лысому бородатому старику, осужденному катить огромную каменную глыбу на самый верх горы, а затем спускать ее по противоположному склону.

Все бы хорошо, но дело в том, что никто не знает точно, сколько ему еще этим заниматься. Так получилось, что он продолжал катать свой валун уже после того, как его наказание должно было закончиться и когда по всем законам его давно могли отпустить под залог. Но никто за этим как-то не проследил, и вот он до сих пор катает свой камень.

Его оставили работать, не обращая внимания не только на то, что он давным-давно устал и поизносился, но и на то, что фатально износились все атрибуты его наказания. Конечно, человеческий дух сделан настолько добротнo, что не может окончательно износиться в такие короткие сроки, но валуны-то сделаны из другого материала. Так что Сизиф уже укатал их огромное количество. Тем более ему трудно предъявить обвинение в халатном отношении к рабочим инструментам и разбазаривании природных ресурсов, так как позволять камню скатываться со скалы было частью его работы. Ну хорошо, он поднимает свой камень в гору и там, наверху, вынужден его упускать. Казалось бы, какие проблемы? Проблема в том, что постоянно возникает необходимость в новых валунах и даже в новых горах - кто ж может тягаться с законами природы? Он прокладывает своими валунами колеи, которые со временем становятся все глубже и глубже - и вот, пожалуйста! - вся гора сточена напрочь! К тому же возникает проблема снабженцев, которые должны заниматься поисками подходящих - не плоских и не острых - камней. Форма камня должна быть округлой, иначе его невозможно катить вверх и он не сможет качественно скатиться вниз. Но и такие при падении нередко разбиваются на кусочки, и тогда - пиши пропало! Списывай!

Камера дала панораму эллинского пейзажа и снова остановилась, чтобы мы еще раз могли в полной мере насладиться механизмом добротного искушения. Нас снова принесло к Танталу. И тут мы серьезно призадумались: стоит ли повторять, что эпикурейское зрелище фруктов, жареного мяса и других деликатесов, свисающих с ветвей дерева над головой Тантала и ускользающих при попытке их достать, должно было ему здорово надоесть. Поэтому он скоро отвык тянуться за ними вообще. Но и об этом никто как-то не подумал.

Тем более что еда должна постоянно обновляться, чтобы оставаться аппетитной. Разве можно искусить хоть кого-нибудь куском заплесневелого мяса или гроздью гниющего винограда? Можно, конечно, сказать, что Тантал все равно ничего в этом не понимает, потому что он и не пробовал никогда тех деликатесов, которые узрел, спустившись в этот гастрономический ад.

Но времена меняются, а с ними меняется и вид блюд, которыми его соблазняют.

И если раньше его пытали, дразня сравнительно простыми кушаньями типа овсяных лепешек, головки лука, редиски и по праздникам - кусочком жареного ягненка, то когда пришло новое начальство, они быстро позаботились о расширении меню.

На последнем совещании новой администрации Аида ее шеф подчеркнул:

- Для нас классическая преисподняя - это важная аттракцион межзвездного масштаба. По ночам, в своих снах, нас посещают миллионы людей. И все эти миллионы (если не больше) попадут сюда не раньше, так позже. Нас к тому же будут посещать иностранцы. Мы - беспрецедентная выставка, можно даже сказать - диорама человеческого духа. И нам просто необходимо устроить здесь хорошее шоу для наших туристов.

Как сказал - так и сделал. И в кабинетах администрации по охране древних памятников культуры пошла уборка - пыль поднялась до небес! Все вылизали до блеска. В том числе и экспозиции Тантала придали надлежащий вид, а это в первую очередь потребовало нового меню и поваров, способных угнаться за требованиями сегодняшнего дня. Первое время добровольцев не хватало, и поэтому всех, кто даже не был профессиональным поваром, но обладал должной фантазией в приготовлении пищи, в обязательном порядке посмертно отправляли на Танталову кухню. Но со временем эта работа стала считаться престижной, и вот уже лучшие кулинары земли стали соревноваться друг с другом за право готовить для Тантала.

На ветвях плакучей ивы объявились деликатесы, о которых он раньше и мечтать не смел!

К Танталу приставили специальных гидов, которые должны были ему разъяснить, чем, собственно, его искушают, чтобы он в полной мере мог осознать, чего лишился. Иначе его наказание просто утратило бы эффективность и символический смысл.

- Внимание, - говорили ему, - это заливное из копченой кабанятины, а это - груши bel Helene, а это - компот из редких фруктов...

И так без конца. Им не терпелось увидеть, как он будет реагировать. Они вели даже дневники наблюдений, так как для них он был всего лишь субъектом искушения. Тем более осужденным.

Но Тантал и здесь быстро сообразил, чего от него хотят. Он знал, что является важной исторической ценностью, так сказать, памятником архитектуры. И еще он понял, что все искушение будет судиться по эффекту, который оно производит. В этом деле не было мелочей, нельзя было оставить без внимания ни одну, даже самую маленькую, картофелинку. Он был эдакий дегустатор древнего мира. И тогда он стал придирчив, а вскоре угодить ему было просто невозможно. Взирая

на бесконечную череду деликатесов, предлагавшихся ему изо дня в день, он стал очень тонким знатоком кулинарного искусства. И ему вовсе не требовалось пробовать, чтобы отличить хорошее от плохого. Руководствуясь какими-то ему одному известными признаками, он мог с точностью определить состав специй и методику приготовления. Он стал частенько брюзжать: «Это ваше трюбо слишком переперчили. А барашек наполовину сырой и сдобрен не тем сортом меда. А от этого соуса жди отрыжки - у него горькое послевкусие...»

Повара очень скоро на него взъелись: как, спрашивали они, каким образом может судить он о вкусе пищи, не попробовав?! Оставим в стороне тот факт, что пробовать ему было запрещено законом. И Тантал объявил, что в первую очередь руководствуется запахами, уж нюхать-то ему никто не запрещал - вот он и нюхает всю; а во-вторых - тончайшей проницательностью, которая развилась у него на почве искушения.

«Обратите внимание, джентльмены, - разглагольствовал он, - пробуя эти блюда, мы притупляем таким образом все остальные чувства. Но мне не обязательно пробовать вашу стряпню (даже если бы я был в состоянии это сделать), чтобы вынести ей оценку. И должен вам сказать, что, на мой нюх, она не на должной высоте!»

Так закончила свой рассказ Персефона, и, вернувшись в повозку, запряженную позвякивающими волами, дала увезти себя в верхний мир. И нет ни одного очевидца, который смог бы рассказать, что же на самом деле произошло с зернышком граната. И все же, на исходе каждого года, когда верхний мир становится мрачным и холодным, она возвращается к своему супругу. Зима в ореоле снежинок приходит и уходит, и на верхних лугах появляются гончие Весны. А я сижу на троне Аида, обедаю с Ахиллесом и Еленой и с нетерпением жду возвращения Персефоны.

Я гадаю, чем она там занимается. И что все же случилось с зернышком граната? И когда она наконец возвратится - в самое последнее мгновение перед тем, как я окончательно истоскуюсь, утрачу надежду и устану от мыслей об обитателях Аида, когда она возвратится, - я наконец признаюсь себе, что все, чего я хочу, - это моя Персефона.

Сейчас уже начало зимы. Я сижу на своем железном троне - во рту привкус праха - и вслушиваюсь в далекий звон бубенчиков. Я знаю, это добрые вестники моей возлюбленной, с которой никогда не будет определенности до конца.

Хитроумный Одиссей попал в переplet. Лукавый греческий герой оскорбил самого Посейдона, и бог был безжалостен в своем наказании. Он гнал его через всю Аттику и Додеканесские острова. Но всякий раз,

когда Одиссей пытался пристать к берегу и уйти в глубь его, чтобы отыскать землю, где ничего не знают о море, повелитель океанов посылал могучие ветры, уносившие его снова в море. Но и этого ему было мало: он насылал Хитрые Мысли, одолевавшие Одиссея, словно его собственные, и, как бы далеко он ни зашел на сушу, они влекли его на берег моря. И вот он снова там, где ему лучше бы не находиться, - на полоске песка между водой и подножием гор. Это и есть то место, где Одиссей должен сыграть финал этой затянувшейся игры. Здесь, по желанию повелителя морей, он должен наконец обрести смерть. Посейдон и так излишне медлил, подыскивая момент, Чтобы прихлопнуть этого сопляка. Но теперь пришло Время покончить с ним.

Шум прибоя на пустынном пляже. Лиловая полоса горизонта на стыке моря и небес. Последние кадры: Одиссей, героического вида мужчина, стоит на четвереньках с поникшей головой, волосы падают на глаза, тело усеяно крупными каплями воды. Аппетитнейшая картинка для Навсикаи.

Нежданное видение на пустынном пляже. Навсикая и ее служанки. Застыли на ходу. Глазеют на обнаженного мужчину.

- Где я? - спросил Одиссей.

- Это Феакия, - ответила Навсикая. Боже, как она хороша!

Смертельно хороша, если я не ошибаюсь!

Это то состояние, в котором девушки мне нравятся больше всего.

Одиссей раздраженно помотал головой: наклеывается новый роман, этого еще только не хватало! Да, кстати, а не повторяется ли ситуация? А не пошла ли вся его жизнь по второму кругу? А не пошло ли все мироздание по второму кругу? И все, что было до него, тоже?

Одиссей напряг память, но все, что он смог вспомнить, так это то, что время пришло. Его будущие жизни пронеслись перед его глазами стремительным хороводом наскипидаренных летучих мышей-альбиносов. Внезапно за его спиной раздался звук. Он обернулся и закаменел. Но воля его крепла, наливаясь силой от его внутреннего роста. Он лихорадочно решал, кем ему быть сегодня вечером.

Пробиваясь сквозь неразбериху и шум в голове, росло знание, неотвратимое и леденящее, что он попал в ситуацию, которая требует немедленного разрешения.

Он не был... Да нет, он был. Говорить - это было его призванием. Но никогда он еще не встречал такой крайней ситуации, столь остро требующей его немедленной идентификации.

- Ирвинг Спагетти - к вашим услугам! - выпалил он. Полный дебилизм! Но авось сработает.

О, эта игра уже не казалась такой трудной. Здесь требовалось сыграть в нее не впервые, а снова. Правда, это в то время, когда он не

был уверен в результатах первой игры. То же тогда случилось на планете, тогда, в тот самый первый раз? Он предпочитал считать, что тогда он не оплошал. Впрочем, в этом он тоже не был уверен. Но он же как-то выбрался из той переделки. Более или менее. Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще здесь. Все такая же смертельно прекрасная. Вот только он забыл, что должен с ней сделать.

Свадьба с Навсикаей произошла скорее, чем он рассчитывал. Он надеялся, что ему все же удастся восполнить некоторые пробелы на последующих свиданиях. Раньше всегда все шло по порядку: ухаживание, например. Кстати, а они вообще ходили когда-нибудь на свидания? И если да, то что он ей тогда говорил?

Внезапно в его голове раздался сигнал тревоги. Да, сейчас он в безопасности. Здесь, в теплом уютном местечке, рядом с ней. Но это же не то, за что он расплачивался. Он всегда выбирал неверные пути.

Все это, естественно, произошло до того, как странник вступил в город. Потому что, если этот грешный фигляр с его дрызгами, с его дрызгами, с его раздрызганными дрызгами и дрянными дрызгодрызгами... простите, я только пытаюсь быть реалистом и рассказывать, как все было на самом деле, но у меня просто кровь вскипает, когда я думаю об этом страннике, и не вините меня в поспешности изложения, а то я упущу поезд своей мысли, если зазеваюсь, - все меняется, и ничего не повторяется снова, становясь самим собой, как бы нам этого ни хотелось. И даже громогласные проклятия диких лесных пигмеев не имеют обычных кошмарных последствий. Но, я погнал дальше.

Вначале был Одиссей. Давайте внесем в это дело ясность. Хотя какая может быть ясность здесь, в яме, полной гниющих рыбьих голов и разлагающихся трупов, с одиноким и потеряннным видом плавающих в гнилом смраде? Но мы еще держимся, мы и наши ребята, мы продолжаем, ведь кто-то же должен рассказывать историю, иначе наше молчание возопит до самых звезд. Извините, я вовсе не собирался выходить из себя.